

Безбожники рисуют ислам: советская (анти)религиозная пропаганда в комментариях востоковеда

Мы публикуем полную стенограмму лекции кандидата исторических наук, заведующего сектором Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН Владимира Бобровникова, прочитанной 5 февраля 2009 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру».

Владимир Олегович Бобровников — кандидат исторических наук, заведующий сектором Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН. Преподавал в Центре социальной антропологии и ФИПП РГГУ, в ИСАА МГУ, Стэнфордском университете. Специализируется в области этнологии и истории мусульман дореволюционного и советского Северного Кавказа (Дагестан). Область научных интересов: история обычного права и религиозных практик горской мусульманской общины в контексте российских и советских реформ, сравнительный опыт колониальной политики и этнографии на российско-советском и зарубежном Востоке. Автор книги «Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие» (М.: Восточная литература, 2002); словарных статей по исламским реалиям Дагестана в энциклопедии С.М. Прозорова «Ислам на территории бывшей Российской империи» (Вып. 1–4; Т. 1. М., 1998–2006); главы по исламу в “Cambridge History of Russia” (Vol. II, 2006); ответственный редактор и автор книг «Подвижники ислама» (М.: Наука, 2003), «Северный Кавказ в составе Российской империи» (М.: НЛЮ, 2007); статей в разных академических изданиях в России и за рубежом. Общее количество научных публикаций более 250.

Мы публикуем полную стенограмму лекции кандидата исторических наук, заведующего сектором Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН Владимира Бобровникова, прочитанной 5 февраля 2009 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру».

Владимир Олегович Бобровников — кандидат исторических наук, заведующий сектором Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН. Преподавал в Центре социальной антропологии и ФИПП РГГУ, в ИСАА МГУ, Стэнфордском университете. Специализируется в области этнологии и истории мусульман дореволюционного и советского Северного Кавказа (Дагестан). Область научных интересов: история обычного права и религиозных практик горской мусульманской общины в контексте российских и советских реформ, сравнительный опыт колониальной политики и этнографии на российско-советском и зарубежном Востоке. Автор книги «Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие» (М.: Восточная литература, 2002); словарных статей по исламским реалиям Дагестана в энциклопедии С.М. Прозорова «Ислам на территории бывшей Российской империи» (Вып. 1–4; Т. 1. М., 1998–2006); главы по исламу в “Cambridge History of Russia” (Vol. II, 2006); ответственный редактор и автор книг «Подвижники ислама» (М.: Наука, 2003), «Северный Кавказ в составе Российской империи» (М.: НЛЮ, 2007); статей в разных академических изданиях в России и за рубежом. Общее количество научных публикаций более 250.

См. также:

- [Видеозапись лекции](#)

Текст лекции

Тема моей сегодняшней лекции — «Безбожники рисуют ислам». Речь в ней пойдет об исламе в советской пропаганде, в основном между двумя мировыми войнами. Как безбожники начинали его рисовать, можно представить по картинке, которую я сейчас показываю (рис. 1). Это плакат, выпущенный в 1921 году в Москве большим по тем временам тиражом в 10000 экземпляров для Туркестана, где только что была установлена Советская власть. Он приглашает мусульманок в комсомол. Плакат называется «Я сейчас тоже свободна». Эту надпись арабскими буквами на узбекском языке (Хозер мен де азада) можно видеть на красном знамени, которое гордо держит девушка, сбросившая с себя чадру. Над открытой дверью, куда ее приглашают двое молодых людей, видимо, уже освободившихся раньше ее, написано в той же графике и на том же языке: «Молодежный союз», т.е. комсомол.

Рисунок 1.

Что это за тема такая и как я к ней пришел? Ведь я не искусствовед и не советолог, а востоковед. Мои интересы в науке связаны с вроде бы далекими от этих сюжетов арабскими правовыми текстами мусульман Горного Дагестана. О характере моих занятий вы можете судить, посмотрев на фото, которые я сейчас показываю. В центре вы видите тетрадку, изданную в Дагестане в 1868 году (рис. 2). Она содержит проект устройства сельской общины, выработанный по образцу знаменитой русской крестьянской реформы 1861 года. Интересно, что сначала его перевели и опубликовали на арабском языке, который был на Восточном Кавказе до 1930-х годов чем-то вроде *lingua franca* для образованных мусульман. По-русски этот проект вышел только через тридцать лет, в 1898 году. Рядом каллиграфическое письмо студентов медресе, тоже из Дагестана XIX века, с просьбой к князю Чавчавадзе о денежном пособии (рис. 3). Оба текста наглядно показывают, что власти империи обращались к своим мусульманским подданным на

арабском языке, и те отвечали им на том же. С завоеванием в XIX в. мусульман Кавказа и Средней Азии, священная для них арабская письменность продолжала использоваться как язык власти, язык империи.

Рисунок 2.

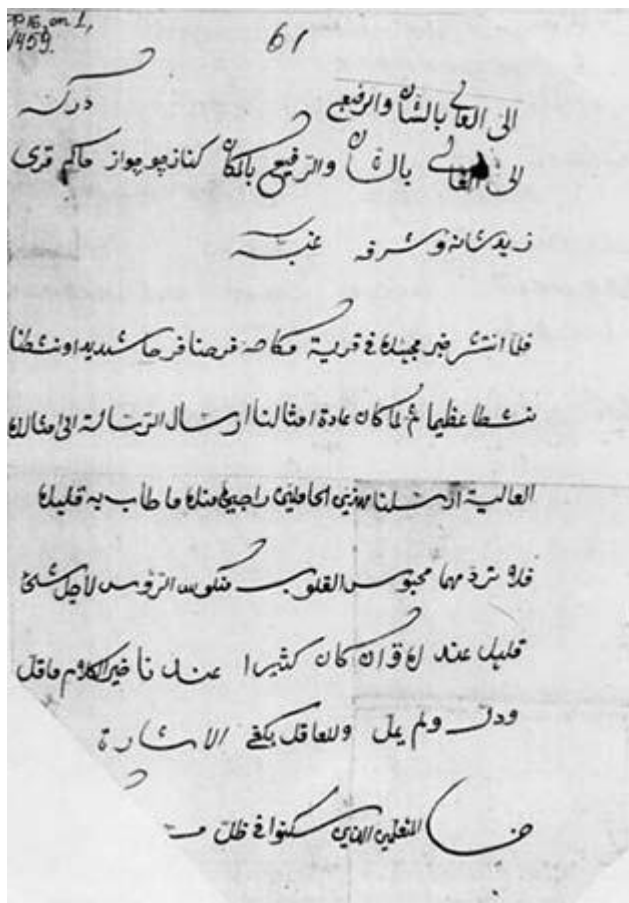

Рисунок 3.

Здесь мы подходим к важному методологическому вопросу: что ислам значил в Российской империи и в СССР. Ответ на него зависит от критерия «исламскости», который ученые выбирают, как правило, в зависимости от своей подготовки и интересов. Востоковеды зовут нас выверять ислам по письменным нормативным текстам мусульман, начиная с Корана и предания или *сунны*, восходящей к пророку Мухаммеду, кончая бесчисленными комментариями к ним. Книжная письменная традиция, связанная с исламом, поистине многообразна и огромна. Только в одном небольшом Дагестане сегодня есть несколько сотен частных и мечетных библиотек с рукописями на арабском языке и в арабской графике. Но кроме письменных текстов, которые не всегда определяют действительность и не всем понятны, есть еще живые люди, мусульмане. Они могут даже иметь тексты дома и не мочь их прочесть, используют их как украшение, например как *шамашли* — каллиграфические картинки на сюжеты из жизни пророка Мухаммеда и другие благочестивые исламские темы в Поволжье. Людями и вещами, на которых тоже есть арабские тексты, занимаются этнологи. Они говорят, что именно мусульмане образуют ислам. Кроме того, в исламе важную роль играет миссионерская пропаганда, по-арабски ее называют *да'ва*. Она роднит ислам с политикой и властью. Эти четыре компонента — нормативные тексты, вещи, люди и власть — образуют ислам. Они находятся в постоянном взаимодействии.

Владимир Бобровников (фото Наташи Четвериковой)

Всеми четырьмя темами заниматься физически невозможно. Еще Козьма Прутков сказал: «Никто не обнимет необъятного». Я следую этой максиме, но стараюсь не забывать, что кроме моих текстов и людей есть и другие пограничные сюжеты, без которых картина ислама будет ущербной. Есть еще фактор времени. О его значении хорошо говорит одна сделанная мной в Дагестане фотография. В одном горном селении Тлондода на границе с Чечней я видел в 1996 году стену бывшей мечети. На ней видны рисунки на камне со средневековыми петроглифами, символами солнца в виде спиралей и крестов, которые археологи датируют где-то первой половиной второго тысячелетия нашей эры. Тогда ислам в Северном Дагестане еще не утвердился. Горцы исповедовали христианство и языческие культы. Затем, когда в XVI в. сюда пришел ислам, этот рисунок не уничтожили, а вставили ради украшения в стену мечети. В советское время мечеть сначала закрыли, затем сломали, а в 70-е годы на стене построенного из ее камней здания написали красной краской советский лозунг «Слава КПСС!» Не потому что горцы так любили партию, а потому что им не хватало бумаги или материи. Тогда в дни торжеств и праздников надписи на стенах играли роль плакатов, каждый год на 7 ноября и 1 мая их подновляли, подкрашивая, а после распада Союза перестали это делать и когда я видел

эту надпись, она почти стерлась. Такой вот любопытный пример наложения разных глобальных эпох на маленьком кусочке стены.

Я поделился с вами впечатлениями из моей архивной и полевой практики на Северном Кавказе, чтобы дать понять значение писаного слова, каллиграфии и рисунка в пропаганде об исламе, а также реакции людей на них и на пропаганду в динамике смены исторических эпох. О том, как это происходило между двумя мировыми войнами на мусульманских окраинах Советской России, в какой-то степени можно судить из советских плакатов для мусульман, к которым я теперь перехожу. Но прежде позвольте поставить вопрос: как и для чего нужно изучать плакаты. Все знают, что лживая советская пропаганда, да и любая пропаганда не соответствует реальной жизни. Еще Солженицын говорил, что противостоять власти в Советском Союзе значило «жить не по лжи». Пропаганда хочет выдать желаемое за действительное, как, например, на советском плакате самого начала «холодной войны», 1940-х годов, который я сейчас показываю (рис. 5). На нем и еще другом плакате 1930-х годов о равноправии наций в СССР (рис. 4) очень много чего нарисовано, а в круглых медальонах изображены члены правительства. Их задача — убедить зрителя, что плакаты верно отображают саму действительность. Для этого здесь так много цифр и даже есть фотографии. Это стиль фотомонтажа, который появился в советских плакатах в годы первой пятилетки 1929–1932 годов. (Отмечу в скобках, что в те же годы фотомонтаж появился и на Западе).

Рисунок 4.

Рисунок 5.

На красно-черном плакате под названием «СССР — социалистическое отечество трудящихся всех наций» (рис. 4) важна цветовая гамма. Эти резкие цвета без переходов и тени создают впечатления разрыва между тем, что было прежде (оно самыми черными красками нарисовано сверху слева), и тем красным счастьем, которое испытывают трудящиеся всех национальностей, в том числе мусульмане в халатах, в Советском Союзе времен коллективизации и культурной революции. Наверху мы видим темный кусок исчезнувшей после 1917 года действительности с какими-то полицейскими рожами и бедными тощими мусульманами, из которых толстая лапа эксплуататора выдавливает все соки. Там написано «Так было». И рядом: «Сравнение лагеря капитализма и лагеря социализма». В лагере капитализма: «Национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы. Империалистические зверства войны». В лагере социализма — «Взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов». Т.е. плакат говорит, что это проклятое прошлое еще мешает жить трудящимся за границей, но полностью изжито у нас. Внизу написано: «Полное равноправие всех наций и рас в СССР». Возмущение художника второй плакат несправедливостью капиталистов, по его уверению, закрывающих школы для народа, подчеркивает набор цифр. В 1951–1955 годах в СССР будет построено на 70% больше школ, чем в четвертую пятилетку. А в США еще больше затрат государства, 74% бюджета, идет на военные расходы.

Итак, как же работать с плакатами. Разоблачить ложь официальной пропаганды несложно. Например, в СССР в 1951–1955 годах для мусульман открылась всего одна религиозная

школ а– знаменитое медресе Мир-и Араб в Бухаре. В 1971 году был создан еще Исламский институт в Ташкенте. Этими двумя школами до падения Советской власти должны были обходиться верующие, желавшие получить исламское образование легально. Все остальные медресе и большинство мечетей были закрыты к началу Второй мировой войны, их учителя и учащиеся в массе своей отправились поднимать хозяйство в Сибирь и Казахстан. Военным плакатам тоже не всегда можно верить. Возьмем плакаты отступления 1941–1942 годов. На них могучий красный воин с коня крошит черных мелких фрицев. Патриотический плакат Кукрыниксов «Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева», создан именно в 1941 году, когда «нас» здорово били и отчаянно кололи немцы. Чуть более ранний плакат времен позорной Финской кампании 1939 года, из которой Красная армия вышла сильно помятой, конечно же, изображает, как бравый красноармеец насаживает финнов на штык. Похожие плакаты выходили тогда на советском Востоке. Например, когда фронт дошел до самой Москвы, в Ташкенте напечатали плакат, где изображено наступление советских танков, которые благословляет Максим Горький, выбрасывая вперед, на Запад, руку и свою знаменитую максиму «Если враг не сдается, его уничтожают» (рис. 6).

Рисунок 6.

Стоит ли ограничиваться разоблачением клеветы на действительность и кощунства против религии, которыми полны советские плакаты? Это было бы слишком банально. Значение имеет не только сама действительность, но и изображение ее, пусть даже неверное, в головах людей. Не стоит перенимать у советских плакатов стиль обличения, чуть ли не облаивания прежней действительности. Гораздо важнее (и интереснее) понять принцип конструирования действительности на плакатах. Это открывает глаза на целый ряд тем, связанных с пропагандой, например, на советскую религиозную статистику. Когда сравниваешь данные о закрытых в 1930-е годы мечетях, поражаешься не только колоссальности цифр, которые во много раз превышают данные дореволюционных отчетов, но и разнообразию данных из разных районов. Ситуация становится яснее, если вспомнить, что в 1932–1937 годах шла так называемая «безбожная пятилетка», ставившая целью забыть имя Бога на территории СССР к 1 мая 1937 года. Развернулось

социалистическое соревнование, кто быстрее закроет больше мечетей и медресе. Поэтому приводимые здесь цифры — это не сама действительность, а агитация.

Помимо того, вдумчивое изучение антирелигиозных плакатов объясняет многое в логике советской пропаганды и выросшего на ее основе политизированного знания о советском исламе в Советском Союзе и на капиталистическом Западе. Пропаганда эта стоила на бинарных противопоставлениях. Плакаты отличаются от картин тем, что на них нет полутонов, есть лишь черное враждебное несоветское прошлое — и красное или светлое наше. Та же логика работает в советологии времен холодной войны, которая давно кончилась, но все еще определяет подходы к исламу политологов. Во время холодной войны во Франции сложилась целая школа советологов под руководством потомка эмигрантов из России Александра Беннигсена. Он много сделал для собирания и изучения советского ислама, но пользовался исключительно официальными источниками. Других у него не было, да к тому же он не знал восточных языков и просто не смог бы понять того, что писали отдельные образованные советские мусульмане. Хорошо известно, что материалы и образы советской пропаганды времен холодной войны и более раннего времени легко переворачиваются и превращаются в антисоветские. Так и поступил Беннигсен и его последователи, вслед за советской безбожной литературой разделившие ислам в СССР на «официальный», признанный в конце Второй мировой войны в рамках четырех региональных муфтиятов, и антисоветский «параллельный» ислам *суфиев* и иных нелегалов. Для Беннигсена это антиподы. На практике, однако, они часто были неразделимы: один и тот же человек мог быть и суфием, и работать муллой в зарегистрированной мечети. Даже коммунисты, председатели сельсоветов и колхозов постоянно нарушали законодательство о культах, посещая святые места, совершая молитвы и нелегально проводя обрезание детей. Школы Беннигсена давно нет, но многие повторяют его выводы, подгоняя под них материалы, извлеченные из советских архивов, как это сделал, например, израильский историк Яков Рой, выпустивший в 2000 году толстую книгу об исламе в Советском Союзе. Американский исламовед Девин ДеВиз справедливо критикует его за то, что Рой не захотел услышать и понять голос советских мусульман, привел много данных, но вписал их в старые советологические схемы.

Как и примитивные политологи, плакаты крайне упрощают действительность. Однако понять их тоже не просто. Нужно сначала изучить их язык, цвета, символы. Тема эта слишком велика для одной лекции, и потому я ограничусь разбором отдельных сюжетных линий в плакатах между двух мировых войн. Мои примеры в основном взяты из советских национальных республик и автономий Средней Азии и Кавказа, а также Москвы, игравшей на протяжении всего советского периода роль идеологического центра антирелигиозной пропаганды.

Начиналось в ней все в годы Гражданской войны не с обличения ислама, а с заигрывания с ним. Ранняя советская пропаганда стремилась убедить мусульман бывших восточных окраин империи в том, что у них с Советским государством общие враги — угнетавший до 1917 года мусульман царизм и продолжающие эксплуатировать их ныне буржуи, кулаки, а за границей еще и наследники Антанты. Целью ее было заставить мусульманина вступить в Красную армию и вместе с русскими красноармейцами бить белогвардейцев и западных интервентов. Вот для примера выдержанный в уже знакомых нам красно-черных тонах плакат Николая Когоута (1891–1951) времен борьбы с Врангелем 1920 года (рис. 7). Он обращен к крымским татарам и потому написан «арабицей» на

крымскотатарском языке: «Твои враги обманом и запугиванием хотят послать тебя на войну против меня — твоего брата. Не слушай их. Если ты хочешь мира и свободы, бери винтовку и бей врагов со мной». Рисунок в нижней части плаката показывает, как убедившийся в правильности этих слов мусульманин вонзает штык в брюхо Врангеля.

Рисунок 7.

Подобные агитки, призывавшие добровольцев вступать в армию, в годы гражданской и двух мировых войн рисовали все воюющие стороны. Были такие плакаты и у белых, например, в Добровольческой армии Деникина на Северном Кавказе. Среди белогвардейских плакатов 1919 года мне запомнился один, изображающий горца с шашкой наголо, скачущего по горам над трехцветным дореволюционным знаменем. Подпись под рисунком призывала добровольцев записываться в конный горский мусульманский дивизион, который возглавлял бывший полковник Терского казачьего войска Берладник-Пуковский. Работая в эмигрантских архивах США, я встречал следы командира этого дивизиона уже в Константинополе в начале 1920-х годов. Обратите внимание на язык и арабскую графику. И на деникинском плакате, и в работе Когоута подписи даны на нескольких языках, обязательно на кириллице и арабским шрифтом. Это все билингвы. Враги трудящихся мусульман у Когоута подписаны в кириллице и «арабице»: «Врангель», «буржуй», «Жофр», «Антанта». Почему даже белогвардейцы, выступавшие под националистическими лозунгами за возвращение единой и неделимой России, не писали свои плакаты на русском? Причина проста. Русский тогда еще не был распространен на мусульманских окраинах страны. Образованные мусульмане могли прочесть плакат в арабской графике, а неграмотным понять его смысл помогала картинка.

Изучение ранней советской пропаганды показывает, насколько ошибочно представление о том, что в России власть и ислам всегда были разведены по разные стороны баррикад. Это не так. В двадцатые годы большевики много сотрудничали с мусульманскими элитами. В том же Дагестане и Кабарде Советская власть была установлена при поддержке *джадидов*. *Джадид* по-арабски значит «новый». Это модернистское движение возникло на Ближнем Востоке XIX века. Оно не было очень влиятельным на окраинах России, но сыграло большую роль в советском культурном строительстве. Я уже говорил про переводы законопроектов Российской империи на языки мусульманской духовной элиты. Эта работа была продолжена в раннее советское время. Ограничусь несколькими дагестанскими примерами. В 1925–1927 годах в Темир-Хан-Шуре выходил журнал на арабском языке «Баян-ул-хакаик» — «Разъяснение истин». Его редактировал джадид Абусуфьян Акаев. Вместе с журналистом и учителем медресе Али Каяевым он пытался переводить советские декреты на язык шариата, оправдывая популистские лозунги мира рабочим и земли крестьянам, а также создания общеобразовательной школы как законные с точки зрения ислама. У примкнувших к большевикам улемов были серьезные идейные противники, например, ученый и политик Наджм ад-дин Гоцинский, руководитель знаменитого мятежа 1920 года, коривший Каяева за неграмотность и сравнивший в своих ядовитых стихах популяризатора Каяева с неким бедуином, арабским средневековым Геростратом, который в бесплодных усилиях прославиться нагадил в священной Мекке в колодец Зем-Зем. Но у джадидов были и не менее влиятельные сторонники, в том числе знаменитые дагестанские суфии Сайпулла-кади, его ученик Хасан Кахибский и Али-Хаджи Акушинский, поддержавшие безбожников против примкнувших к Гоцинскому сторонников царизма. (В скобках отмечу, что сочинения представителей обеих партий мусульманской элиты еще ждут своего исследования).

Мусульманская элита, о которой я рассказываю, создавала идеологию, говоря языком современной науки, советский шариатский *дискурс*. Плакаты же в основном рисовали не мусульмане. Одним из наиболее известных карикатуристов, работавших в этой области, был Дмитрий Моор (1883–1946), автор знаменитого плаката «А ты записался добровольцем?» с красногвардейцем, указывающим пальцем на зрителя, куда бы вы ни повернули. Это известный оптический прием. Не думайте, что этот плакатист был немцем. Это русский, и его настоящая фамилия Орлов. Псевдоним Моор он взял себе в честь героя «Разбойников» Шиллера, непочтительного сына и бунтаря Карла Моора, которого некоторые, быть может, знают по ссылке из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Моор начинал рисовать в выходивших между двух русских революций сатирических журналах «Будильник» и «Утро России». Его учениками были знаменитые Кукрыниксы. Не менее известны плакатисты Михаил Черемных (1890–1962) и работавший в основном в жанре киноплаката для Советского Востока Михаил Длугач (1893–1988). В число художников, обратившихся после революции к карикатуре и плакату, были и мусульмане, особенно в 1930-е годы, когда советская пропаганда приобрела настоящий массовый характер и не могла обходиться только московскими и ленинградскими кадрами. Среди них были и отдельные мастера живописи и каллиграфии, такие как дагестанский художник Халил-Бек Мусаясул, еще в 1917 году нарисовавший избрание Гоцинского имамом Северного Кавказа, выполнявший отдельные плакаты на заказ, а впоследствии эмигрировавший и скончавшийся уже после Второй мировой войны в США. Назову еще два имени — татарского художника Баки Урманче (1897–1990) и русского Александра Николаева (1897–1957). Последний прижился в Туркестане, принял ислам и подписывал свои картины Усто Мумин, что означает «Правверный Мастер».

Оба больше прославились в живописи (а Урманче еще в каллиграфии и скульптуре), но нарисовали на своем веку и много плакатов.

Государственная индустрия визуальной пропаганды, постепенно сложившаяся в Советском Союзе, включала не только идеологов и художников, но еще цензоров и издателей-заказчиков. Последние роли взяли на себя партия и государство, порой выступавшие под личиной общественных организаций, финансировавшихся, однако, из казны. О том, кто заказывал и распространял плакаты, написано на них самих. Обычно это набиралось мелким шрифтом внизу или вверху над рамкой рисунка вместе с именем автора и тиражом. Первые плакаты, о которых я рассказывал, выпущены при Красной армии (например, Когоута во время кампании против Врангеля 1920 году), а также знаменитыми «Окнами РОСТА» и «Окнами сатиры РОСТА» Сейчас значение этой аббревиатуры забыто. Это «Российское телеграфное агентство». Создателями объединения карикатуристов и плакатистов РОСТА были уже упоминавшиеся мной Черемных, Моор и поэт Советской власти Владимир Маяковский. Это показывает, что плакат был разновидностью СМИ. Преемником РОСТА стал ТАСС, выпустивший тысячи плакатов в годы Отечественной войны (1941–1945). Эти организации трудились больше на ниве советской внешней политики и борьбы с капиталистическим окружением страны.

Против внутренних врагов, включая религию, боролись другие организации, прежде всего — Союз воинствующих безбожников (СВБ). Это была очень любопытная организация, действовавшая с 1925 до 1947 года. В 1947 году, когда обстановка в стране и мире радикально изменилась, его заменило общество «Знание», существующее в России и сейчас. Целью обоих обществ была координация усилий лояльной творческой интеллигенции и власти. Только в «Знании» сотрудничали в основном ученые, а в СВБ — научные атеисты, ученые, журналисты и плакатисты. Бессменным председателем Союза был видный партийный и советский деятель Емельян Ярославский. Строительство нового социалистического общества СВБ связывал с уничтожением не только эксплуататорских классов, но и всех видов религии. Это кратко и исчерпывающе выражено в лозунге общества «Борьба против религии есть борьба за коммунизм». Союз выпускал массу антирелигиозных брошюр, газет и журналов. Наиболее известными и массовыми из них были «Безбожник» и «Безбожник у станка». Художественным редактором обоих в 1923–1928 годах был Дмитрий Моор. На обложке одного из номеров «Безбожника у станка» он нарисовал покосившиеся культовые здания самых разных конфессий и пришедший в ужас от этого пирующий на небесах совет разных богов, в котором заседают Христос, Иегова и Аллах в окружении рогатых и козлоногих богов язычников.

Главной мишенью Союза воинствующих безбожников было православие, которое исповедовала основная масса населения страны. К борьбе с исламом он приступил лишь с началом кампаний по индустриализации, коллективизации и культурной революции. Менялся характер советского режима, нарастала его репрессивная сущность. Кроме служителей культа и верующих, против которых боролись безбожники в плакатах, маховик репрессий захватил и раздавил многих исполнителей антирелигиозной кампании. Некоторые художники вынуждены были обратиться к плакату, подвергшись репрессиям. Можно вспомнить судьбу татарского каллиграфа и художника Баки Урманче, в 1929–1933 годах прошедшего через один из первых советских лагерей на Соловках. С этого времени он надолго обращается к официозным темам социалистического строительства, работая в 1937–1941 годах над оформлением павильонов республик советского мусульманского

Востока на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, а позднее в Алма-Ате и Средней Азии. К жанру шамаила Урманче вернулся только после сталинских репрессий и восстановления в правах. Резко меняются тематика, жанры и стилистика других мастеров. Показателен пример Усто Мумина, переходящего от портретов мусульман Туркестана (рис. 8) к плакатам, хотя и сохраняющим его своеобразный стиль, но официальным по иконографии многонациональной семьи советских народов и ведущего ее к коммунистическим высям вождя. О такой смене ориентиров говорит его первомайский плакат 1936 года, украшенный известным сталинским лозунгом «Жить стало лучше, жить стало веселее!» (рис. 9). В послевоенные годы он вновь изображает ислам вопреки установкам безбожников, например, в изображении зикра 1949 года (рис. 10). Но этот рисунок представляет уже ностальгическую этнографическую картинку старого быта.

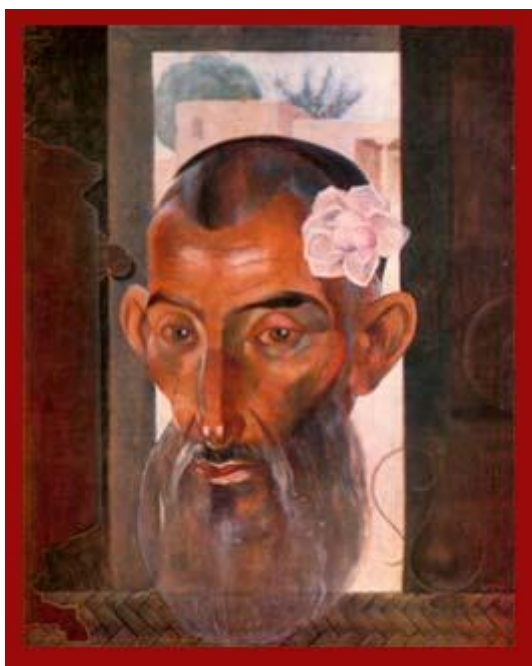

Рисунок 8.

Рисунок 9.

Рисунок 10.

Вместе с изменением политического режима меняется тематика и образность пропаганды на советском Востоке. Одной из ранних и устойчивых тем советской пропаганды было

братство в труде и борьбе за советскую власть и шариат. В 1920-е годы она еще вписывалась в характерные понятия исламской риторики, такие как «братство» в вере и «борьба» за веру или *джихад*. Эти темы были понятны и близки джадидам, обеспечивавшим идеологическое обоснование ранней советской пропаганды с точки зрения ислама. Для улемов в этой теме была важна ее связь с воображаемой исламской географией. Последняя построена на близких и большевикам бинарных оппозициях. Мир делится надвое. Во-первых, это *дар ал-ислам* — область, в которой мусульмане живут по законам шариата под властью и охраной мусульманских правителей. Ему противостоит «область войны» между мусульманами и неверными других конфессий. Из тактических соображений правоверным разрешено заключать перемирие с врагами, в результате чего образуется буферная между двумя враждебными лагерями «область перемирия» (*дар ас-сулх*). Но такие договоры носят временный характер и в любую минуту могут быть нарушены. Эта традиционная исламская космогония приобрела особую актуальность на Кавказе и в Средней Азии после русского завоевания XIX века. Мусульманские улемы спорили, что делать согласно требованиям шариата. Следует ли покинуть родину и эмигрировать в одну из мусульманских стран, например, в Османскую империю, или можно жить по законам шариата и оставаться мусульманином под властью русских. Перевес оказался за последней партией, но с началом Гражданской войны эти споры вновь возобновились. Вставшие на сторону большевиков джадида и суфии склонялись к тому, что после освобождения от царизма на мусульманских окраинах России воцарился шариат. Область войны автоматически сместилась за границу. В этом взгляды идеологов просоветски настроенных улемов и большевиков временно совпали.

Воплощение советского видения послереволюционного мира можно видеть в выпущенном в 1919 году Моором плакате, призывающем мусульман записываться на кавалерийские курсы во ВСЕОБУЧ (рис. 11). Эта организация ведала до введения в 1923 году всеобщей воинской повинности подготовкой добровольцев к несению службы в Красной армии. На плакате изображен скачущий на белом коне всадник в папахе под красной звездой и обнаженным кинжалом несколько театрального вида. Вдали видна группа всадников в халатах на фоне пустыни и палатки. В этой картине заметно немалое влияние образов мусульманской экзотики в духе ориентализма XIX в. Это впечатление еще усиливает длинная подпись на русском и татарском языках, в кириллице и арабской графике: «Товарищи мусульмане, под зеленым знаменем Пророка шли вы завоевывать ваши степи и аулы. Враги народа отняли у вас родные поля. Ныне под красным знаменем Рабоче-Крестьянской революции, под звездой армии всех угнетенных и трудящихся собирайтесь с востока и запада, с севера и юга. В седла, товарищи! Все в полки ВСЕОБУЧ». В той же стилистике построен плакат, созданный Мором в 1920 году для Кавказского края, только что перешедшего под контроль красных (рис. 12). На нем изображены гарцующие на конях горцы в бурках, протягивающие под красными знаменами руки к их брату красноармейцу, который указывает им путь в коммунистические выси над снегами Эльбруса. Подпись под плакатом гласит: «Народы Кавказа! Царские генералы, помещики и капиталисты огнем и мечом душили нашу свободу и продавали вашу страну иноземным банкирам. Красная Армия Советской России победила ваших врагов; она принесла вам освобождение от кабалы и богачей. Да здравствует Советский Кавказ!» Обратите внимание, что слева этот текст написан на русском, а справа еще на четырех языках — армянском, грузинском, азербайджанском и татарском (на двух последних в арабской графике).

Рисунок 11.

Рисунок 12.

С началом социалистических преобразований тему братства заслоняют другие. Важнейшими из них являются: освобожденная женщина-мусульманка советского Востока, колхозы и новая светская школа. Для их характеристики я хотел бы воспользоваться карикатурами из изданий Союза воинствующих безбожников 1930-х годов. Конечно, это особый жанр пропаганды, который ни в коем случае не следует

смешивать с плакатами, но во многом их иконография и стилистика смыкаются. О том, как рисовали эту тему плакатисты Москвы для Средней Азии, я уже говорил в начале лекции на примере плаката неизвестного художника «Я сейчас тоже свободна». Для Кавказа эта тема связывалась с освобождением от обычаев-*адатов* горянки. Посмотрим на рисунок Николая Когоута в одном из номеров «Безбожника у станка» за 1923 год (рис. 13). На нем изображена великанша-горянка в традиционном платье. Вооружившись не менее огромной метлой, она с гордой улыбкой выметает с горы в родном ауле всякую мелкую нечисть. В пропасть вверх тормашками летят развалившаяся под ударом метлы мечеть с минаретом, мулла с Кораном и тезка пророка Мухаммеда в белой чалме, на которой написано его имя Магомед. В бессильной ярости на нее замахивается кинжалом старик-эксплуататор, который, верно, тоже скоро полетит в пропасть. На склонах соседних гор ее приветствуют сестры-горянки из других национальных автономий, вплоть до Кабарды или Адыгеи на западе, которую можно признать по традиционному высокому головному убору золотого цвета. Карикатура называется «Чистота — залог здоровья». Под ней помещены стихи:

С горки под горку
Начала уборку

Под метелку
Мету светелку.

Рисунок 13.

Понятия этого антирелигиозного четверостишия взяты из обихода русской дореволюционной деревни (светелка и проч.), но вставлены они в трафаретные европейские образы мусульманского Востока, в котором женщины изнемогают под гнетом обычаев и властью бесстыдно эксплуатирующих их мужчин. При этом, как и на плакате 1921 года, признаком освобожденной женщины у Когоута служит открытое лицо, а изредка — непокрытая голова. Чтобы понять значение этих символических деталей традиционной одежды, следует вспомнить, что именно в это время в Дагестане начиналась кампания «Долой *чухту*! Дадим горянке пальто!» Чухтой здесь называли традиционный высокий женский головной убор, закрывавший волосы, но оставлявший лицо открытым. Он сохранялся в быту горянок до 1930-х — 1940-х годов, а потом отошел в область этнографических преданий. Отмечу, что на рисунке Когоута ни одна горянка

уже не носит чухты, а главная героиня с метлой, хотя и покрывает голову, носит красный платок, по покрою напоминающий одежду городских работниц того времени. На плакате для Туркестана 1921 года только мать девушки, безуспешно пытающаяся привлечь ее внимание к мечети с минаретом на заднем плане картинке, нарисована с покрытой головой, но также с открытым лицом. Вспомним, что чуть позднее в Средней Азии и Азербайджане развернулась кампания, получившая название «наступление», *худжум*. На центральных площадях городов и сел мусульманки торжественно сжигали паранджу (правда, после этого многим из них очень несладко пришлось в своих семьях). В конце 20-х годов между республиками устраивалось настоящее соцсоревнование по числу раскрепощенных женщин, и счет шел на миллионы. В Азербайджане под таким именем выходил ценный журнал. Эти мотивы отразил плакат.

Плакаты и карикатуры на женскую тему позволяют поднять вопрос об истоках и оригинальности пропаганды, обращенной к мусульманам советского Востока. Многие из них копируют аналогичные пропагандистские листки, выпускавшиеся в РСФСР на русском языке для русских. Хорошим примером такого транслирования образов служит плакат неизвестного художника «Грамота — путь к коммунизму», выпущенный в Москве в 1920 году тиражом в 50000 экземпляров. Он изображает юношу с факелом, летящего с открытой книгой на крылатом огненно красном коне. На книге выписан стандартный советский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (рис. 14). Точно такой же плакат, с лозунгом, написанном по-русски, но с названием на азербайджанском языке в арабской графике, появился в том же году в Баку (рис. 15). Был еще такой же точно плакат на идише. Заимствования отдельных образов несложно обнаружить и в разобранных выше плакатах и карикатурах. Так, образ горянки с метлой, несомненно, взят Когоутом с хорошо известного плаката Владимира Дени «Тов. Ленин очищает землю от нечисти». Его прототип был напечатан в Казани в 1920 году. Плакат Дени рассчитан на русскую православную действительность: здесь нет мечети; место муллы с Кораном и старика с кинжалом занимают валящиеся под ударами метлы в тартарары цари в мантиях, буржуй с огромным денежным мешком и толстый поп в рясе. Но стилистика всей картины идентична. Представители старого мира на обоих плакатах — букашки. Это мусор и паразиты, вздувшиеся от крови трудового народа, которую они высосали при царском режиме. Но в символикe были, конечно, и местные аналоги. Тема метлы проходила в беллетристике и в стихах. Например, отец Расула Гамзатова народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса посвятил критике религиозных пережитков у горцев сборник стихов на аварском языке «Метла адатов».

Рисунок 14.

Рисунок 15.

В стиле изображений 1920-х годов можно видеть разные дореволюционные художественные влияния эпохи Серебряного века. Через десятилетие многообразие кончилось. Иконография образов приняла однообразные и обязательные формы социалистического реализма, ко времени Отечественной войны испытавшего влияние имперского патриотического стиля. В период торжества сталинского единомыслия такая унификация была неизбежна. Но у авторов 20-х годов можно видеть влияния более ранних эпох. Это неудивительно. Ведь многие плакатисты начинали в журналистике предреволюционного десятилетия. Чтобы прокормиться в голодные годы военного коммунизма и начала НЭПа, немало художников подрабатывали на плакатах. В 1920-е годы в советском плакате сосуществовало множество самых различных стилей, из которых на плакаты мусульманского Востока определенное влияние оказали традиции народного лубка и татарского шамаиля, модерн, чуть позднее конструктивизм. В Азербайджане роль «Безбожника у станка» в 1922–1931 годах выполнял журнал «Мола Насреддин». Это известное сатирическое издание еще в 1906 году было создано в Баку Мамед-Кули-Задэ, взявшим себе этот псевдоним в честь популярного героя мусульманских анекдотов. К 1914 году цензурные преследования заставили его закрыть журнал, возобновленный в 20-е годы.

Создатели советского антиисламского плаката не только следовали, но и отталкивались от стилистики и этики дореволюционной эпохи. Сравним для примера плакат 1921 года и один шамаиль о долге перед родителями, напечатанный в Казани в 1910 году (рис. 16). По стилю в обоих, особенно в виньетках шамаиля, заметно влияние модерна с его

любовью к изогнутым линиям. Но тему взаимоотношения отцов и детей они решали по разному. Казанский шамаиль со ссылкой на коранический *аят* требует, чтобы дети, даже когда их родители его состарились и не могут приносить пользы, относились к ним с уважением и не говорили им: «Тьфу». Это крупными буквами написано в центре рисунка. Плакат для Туркестана наоборот отрицает необходимость слушаться несоответствующих эпохе советов родителей. Здесь решившая вступить в комсомол девушка отвернулась и не слушает родителей и муллу, которые зовут ее назад, в мечеть. Я хочу обратить ваше внимание еще на один важный факт. Это большое внимание к писаному слову — и в дореволюционном каллиграфически выписанном шамаиле, и в советском плакате. Специалисты по шамаилям знают, что эти тексты, которые образовывали в нем сам рисунок, в большинстве своем были стихами. Стихи играли огромную роль в предреволюционной исламской культуре разных восточных окраин России. Так вот, советские антирелигиозные плакаты тоже щедро уснащены стихами. Но это был уже новый антирелигиозный стих в жанре нарочито простой, бесстыдной частушки, имевшей целью оскорбить и смешать с грязью верующего.

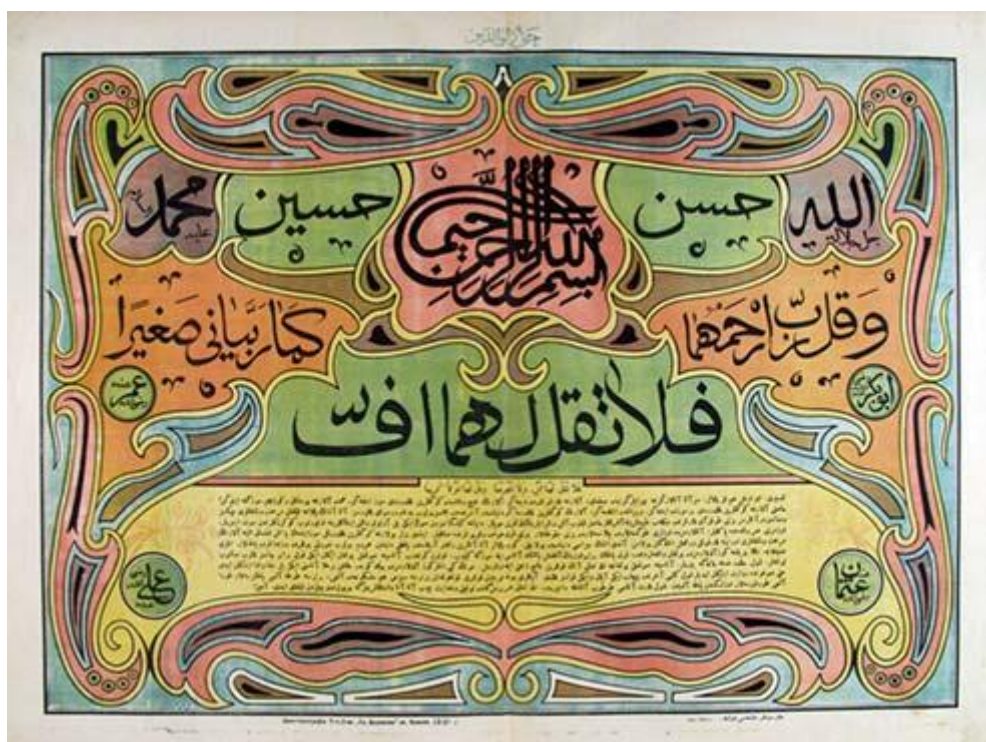

Рисунок 16.

Резкий перелом в отношении к исламу в СССР начался при коллективизации. С этого времени основной удар пропаганды направлен не на внешних врагов, изгнанных из России в Гражданскую войну, а на врагов внутренних, мешающих строить новую жизнь и всячески вредящих советскому государству и обществу. Они были персонифицированы в образе сконструированных советской пропагандой «кулаков и духовенства». Муллы и шейхи рисуются дармоедами, которые обирают трудящихся крестьян. Переход к сплошной коллективизации послужил сигналом для уничтожения их «как класса». Религия как пережиток старого мира также подлежала уничтожению. Именно в это время, на рубеже 20-х — 30-х годов появляется серия кроважанных, чтобы не сказать людоедских плакатов, изображающих, как трактор социального прогресса давит их, словно сельскохозяйственных вредителей. Один такой плакат создан в Узбекистане (рис. 17). На нем мы видим большой красный трактор «5-летка», который

ведет рабочий парнишка в тубетейке и полосатом халате. Кулаки засовывают ему палки в колеса, но не могут остановить хода машины, которая вот-вот настигнет и раздавит бегущих от нее муллу с Кораном и вредителя с мотыгой. Плакат носит длинное название на русском и узбекском языках: «Ни молитвами, ни террором, ни клеветой не остановить выполнения пятилетки. Выполним пятилетку в 4 года!» Источником этого и других изображений трактора прогресса был плакат учеников Моора Кукрыниксов того же 1930 года «Уничтожим кулаков как класс». Он изображает большой тяжелый трактор, утюжащий обобществленную землю колхозов, попутно стирая с земли, как сорняки, шмыгающих под его колесами кулаков, попов и покосившиеся церкви. На красном поле вспаханной земли растет крупное социалистическое производство и трубы заводов.

Рисунок 17.

Все это происходило накануне «безбожной пятилетки» 1932–1937 годов, о которой уже шла речь выше. Это действительно важный переломный период, когда с физическим уничтожением сотрудничавших прежде с большевиками джадидов советская пропаганда окончательно уходит от исламской риторики, собственно языка ислама, навязывая ему совершенно чуждые образы и реалии. Для борцов с религией этого периода различия между православием и исламом, особенности разных форм ислама были уже не важны. Все это были враги, подлежащие скорейшему изобличению и уничтожению. А отличались они для работников атеистического фронта, по образному выражению товарища Сталина, как «синий черт от желтого». Ни того, ни другого они не признавали и пытались поразить насмерть. В это время появляется немало совершенно людоедских плакатов и карикатур, в которых между «попами» и «муллами с шейхами» нет особой разницы. На одной такой

картинке из «Безбожника у станка» известный художник Дейнека изобразил паровоз, перед которым бежит поп, символизирующий Иегову. Идея карикатуры заключается в том, что Бог и поп неизбежно погибнут под колесами локомотива истории. К метле и трактору как богоборческим антирелигиозным символам добавляется паровоз. Сам путь движения Советской России к коммунизму изображался как паровоз или как соревнование капиталистического и социалистического локомотивов.

В этой череде образов представляет интерес манипулирование идеологами антирелигиозной пропаганды понятием «мусульманское духовенство». Мимо него обычно проходят без внимания, что совершенно неправильно. Понятие это искусственное, так же как и термин «кулак». Тема мусульманского духовенства заслуживает отдельного разговора, но я на ней специально останавливаться не буду. Скажу только, что в принципе нигде в ислама нет и не может быть ни церкви, ни духовенства. Эти термины взяты из словаря православной церкви и вошли в язык или дискурс власти об исламе еще в Российской империи XVIII–XIX веков применительно к лояльной и легализованной ей в рамках региональных муфтиятов части мусульманской духовной элиты. Она была поставлена на службу империи и получила несколько привилегированный статус по сравнению с остальной податной частью ее мусульманских подданных. После падения старого режима этот термин распространяется на всю ее, включая и тех улемов и суфиев, которые при царском режиме духовенством не признавались. Все они оказались под прицелом антирелигиозной пропаганды, и многие погибли жертвами массовых репрессий в СССР. К середине 1940-х годов религиозная политика государства вновь резко меняется. В конце войны Сталин пошел на признание Русской православной церкви и других конфессий, включая ислам. Для последнего были созданы новые региональные муфтияты под государственным контролем. Об этом я уже писал не раз и отсылаю интересующихся к своей главе в новой «Кембриджской истории России» 2006 года.

Последний удар по исламу советское государство нанесло, когда сплошная коллективизация шла полным ходом. В два-три приема оно лишило мусульман освященного многовековой религиозной традицией языка и алфавита. Кстати, арабская графика ранних плакатов отличалась от языка, который использовали прежде. Она прошла орфографическую реформу джадидов, которая была еще более резкой, чем реформа, проведенная с русским языком после 1917 года. В конце 20-х годов арабский алфавит был повсеместно запрещен. Для народов, привыкших писать на нем, были срочно изобретены унифицированные национальные алфавиты на основе латинской графики. Во второй половине 30-х годов подобный переход произошел уже с латиницы на кириллицу. О значении этого перехода для антирелигиозной пропаганды можно судить из одного плаката М. Герасимова «Новый узбекский алфавит» про культурную революцию в колхозах (рис. 18). Здесь мы видим уже знакомый нам въезжающий в небо трактор прогресса, за которым маячит здания новой общеобразовательной школы, колхозов и трубы фабрик. Группа коренастых рабочих в зеленых комбинезонах решительно выставляет в центр плаката новый латинский узбекский алфавит. Один из них держит в руках газету с именем Ленина, набранную уже латинским шрифтом. А внизу огромный ковш экскаватора убирает всяческий мусор, к которому здесь отнесены медресе и мечети, муллы, джадиды и учителя старой мусульманской школы — и прежде всего арабские буквы, которые изображены очень неприятно. Они какие-то больные, кривые и валяются вниз вместе с кулаками и муллами. За одну такую букву «айн» хватает

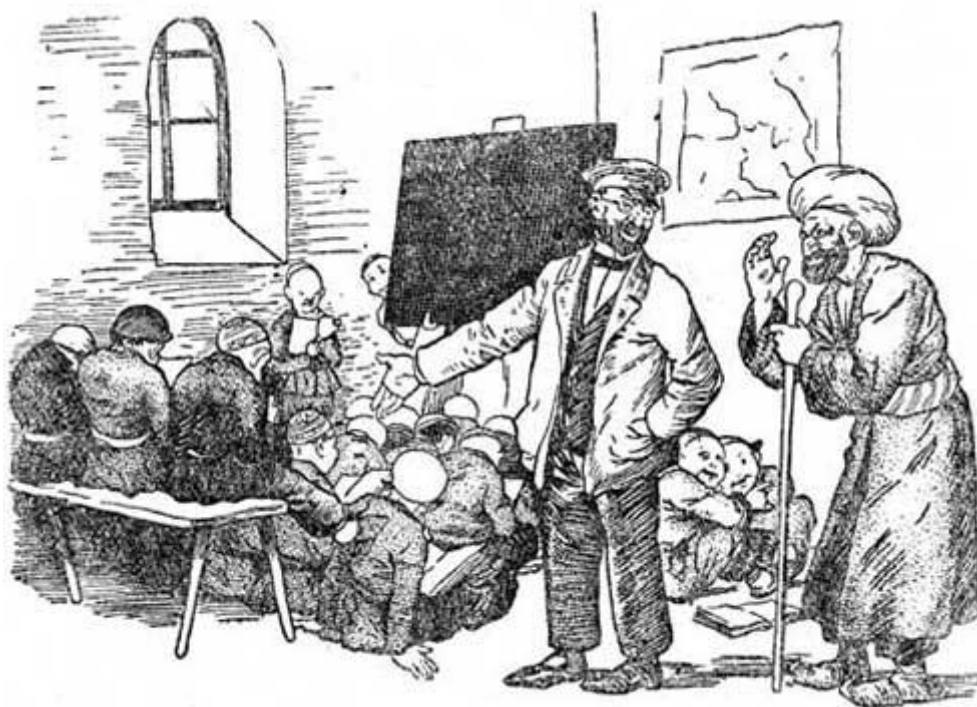
недобитый интеллигент-джадид в галстуке, но и он оказывается в ковше экскаватора. Тут же нарисована сценка из жизни старой школы: учитель бьет линейкой студента.

Рисунок 18.

Плакаты и карикатуры на тему противопоставления старой религиозной и новой, советской и светской, школ оставались в центре внимания пропаганды до начала Отечественной войны. Их можно видеть на страницах «Молю Насреддина». Она из его карикатур изображает «Мусульманскую религиозную школу, где мулла калечил ребят» (рис. 19). Небритый мужчина в пиджаке и очках с укором обращается к мулле в халате и чалме, показывая на кучу учеников на полу медресе в убогой и темной комнате и как бы спрашивая: «Ну чему тут можно научить?» Такие же картинки с противопоставлением старого и нового, религиозного и научного знания рисовали и про другие религии, например, про иудейские хедеры. В школьных музеях того времени обязательно присутствовал показательный уголок старой школы со всеми его атрибутами и символами, от приборов для письма до розог. Описания экспонатов таких музеев сохранились в архиве Российского этнографического музея в Петербурге. Пропаганда против старой школы шла уже на одном языке — национальном или русском, вернувшем к этому времени статус главного официального языка страны. Давайте вспомним плакаты, которые я вам показывал. Первые из них были на двух, а то и на нескольких языках. Эпоха Гражданской войны и раннего советского строительства была временем лингвистического плюрализма. Главным для пропаганды на советском Востоке было донести до мусульман лозунги Советской власти. В 30-е годы тот, кто открыто не понимал языка советских плакатов, автоматически переходил в категорию врагов. Его

было положено уже не убеждать, а уничтожать. Поэтому, хотя русско-национальные билингвы остаются в ходу, их число резко сокращается. Большинство плакатов выходит уже на одном языке. Писать арабской графикой стало знаком борьбы с Советской властью.

Мусульманская религиозная школа, где мулла калечил ребят

Рисунок 19.

Известная книга 2001 года Шошаны Келлер про советские гонения на ислам между двумя мировыми войнами в Средней Азии носит символическое название «В Москву, не в Мекку!» Этот поворот можно видеть и в выпущенных для мусульман Кавказа и Средней Азии плакатах, на заднем плане которых назойливо маячит символика красной Москвы. Бога и пророка из символа веры ислама пропаганда пытается заменить одним земным вождем. Мухаммада как образец для подражания на земле и Аллаха на небесах заменяет мудрый кормчий Сталин. Эти образы можно видеть уже на плакатах в латинской графике, например, на работе Е. Барановского «Ленин умер, но жив ленинизм, 1924–1935», изданной в Ташкенте тиражом в 41000 экземпляров (рис. 20). Мимо мавзолея на фоне труб красных заводов проплывают колонны демонстрантов с красными знаменами. В первых рядах их заметны полосатые халаты, чалмы и папахи кавказцев и среднеазиатов, стилизованные под выработанные официальной пропагандой с участием ученых образы узбеков, таджиков и иных представителей семьи советских народов. Их ведет стоящий у руля Сталин в зеленой шинели без погон (генеральские эполеты появятся у него уже после войны) и простой военной фуражке. В этой картине исламу просто нет места. Конфессиональное уступило место национальному. Эту мысль пыталась донести до зрителя пропаганда.

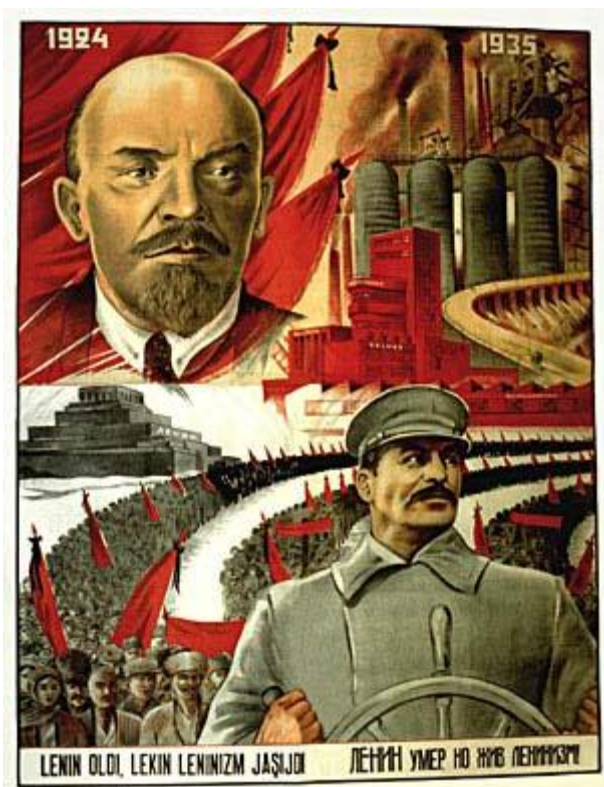

Рисунок 20.

Пропаганда отразила смену ориентиров и полное исчезновение ислама из публичной сферы на советском Востоке. Уже в последние годы существования советского режима, где-то в 1986 году, появилась крылатая фраза «в СССР секса нет!». В том же смысле в стране не было и религии, изгнанной в 30-е годы из общественной сферы. Уже при Брежневеве советская пропаганда застойного времени, обращенная за границу, настойчиво убеждает западного зрителя и слушателя об отсутствии в СССР каких-либо преследований по религиозным мотивам. Пусть тот, в силу установок противной антисоветской пропаганды, этому ничуть не верил, такова была официальная установка. Она провозглашала ислам и другие конфессии в Советском Союзе религией стариков. По этой причине на фотографиях ТАСС, посвященных разным республикам советского Востока и предназначенных для заграницы, по временам появляются старики «кавказской или среднеазиатской национальности», читающие Коран; муэдзин, поющий призыв на молитву (*азан*). Все это, конечно, фикция. Были в СССР, скажем, нелегальные коранические классы на дому, которые посещали исключительно молодые люди. В Дагестане мне рассказывали об таких подпольных школах. Одну из них посещали подростки из школы-интерната в соседнем райцентре, приходившие к местному ученому арабисту тайком и по ночам. Остались в СССР и обрезание, и посещения святых мест. Среди паломников было особенно много женщин, в том числе молодых. Они пытались найти здесь исцеление от болезней, в том числе и от бесплодия.

Что же в свете этих данных можно сказать об эффективности советской пропаганды? Пропали ли все ее усилия оторвать мусульман от ислама втуне? Означает ли это, что советская пропаганда так и не сумела затронуть их? Я так не думаю. Конечно, заведомо неисполнимые цели «безбожной пятилетки» не были достигнуты. Но все же многое в религиозном сознании и практиках советских мусульман изменилось. Книжный ислам сохранился в частной сфере, но число образованных мусульман сократилось. В 60–80-е годы отдельные улемы и суфии учат новые поколения и пишут ученые трактаты

на арабском и других восточных языках, освященных исламской традицией. Свидетельство тому — переписанные от руки списки их сочинений в Средней Азии и на Северном Кавказе. Однако в общественной и культурной жизни русский и национальные языки вытеснили арабский и персидский. Даже религиозно-правовые заключения муфтиятов по вопросам шариата, *фетвы*, выпускались в Ташкенте на узбекском, а в Махачкале — на русском языках. Происходит сложное переплетение советских и исламских правил. Многие фетвы начинались зачином «Во исполнение решение такого-то пленума КПСС, после чего шло традиционное арабское «Бисми-Ллахи-р-Рахмани-р-Рахим!» Прошлое и настоящее мусульманского Востока, которого никто из советских мусульман не видел, становится своеобразной экзотикой. Никто из послевоенных поколений не имел понятия о врагах Советской власти довоенного периода, превратившихся в экзотические образы басмачей из кино, вроде «Белого солнца пустыни» (1970), одной из лучших лент такого рода, своего рода советского «вестерна» (рис. 21). Эта экзотика определяла многое в официальном восприятии зарубежного ислама времен его пробуждения после Иранской исламской революции 1978 года и войны в Афганистане. Чего стоит хотя бы образ душмана из советского плаката 1986 года «Грязная работа ЦРУ в Афганистане» (рис. 22).

Рисунок 21.

Рисунок 22.

Но эти сюжеты и весь послевоенный период выходит за пределы моей темы. Завершая лекцию, я хочу отметить, что тема антирелигиозной пропаганды выходит на тему цензуры и этики — как этики исследования, так и этики вовлеченных в процесс людей. Конечно, официальная борьба с религией в СССР и эпатажная деятельность индивидуальных художников-атеистов по своему характеру различны. Но помню, что один из тех, кто громил выставку «Осторожно — религия» в Сахаровском центре в 2003 году, в интервью, помещенном в Интернете, говорил: «Как мы низко пали! В советское время такое было бы невозможно, потому что власть строго следила за нравственностью». Конечно, человек не имел никакого представления о том, как могли рисовать религию и оскорблять чувства верующих советские плакатисты, о которых я только что рассказывал. При этом проведение выставки «Осторожно — религия» само по себе говорит о сохраняющемся влиянии на общество советской антирелигиозной пропаганды, которое чувствуется даже по прошествии нескольких поколений. На эти размышления подвигли меня советские плакаты и карикатура. Спасибо за внимание.

Обсуждение лекции

Борис Долгин: Если я правильно понял, то в XX веке была очень близкая линия происходящего с православием и исламом в России, конечно, со своими оттенками. Обновленчество в православии, джадидизм в исламе, более «культурный», но тоже пошедший в сторону сотрудничества. Обострение антирелигиозной пропаганды в 20-30-е гг. и, наоборот, смягчение в 40-е, тогда же, когда часть православного духовенства становится официальной. Это впечатление справедливо? Есть ли что-то совсем специфическое?

Владимир Бобровников (фото Наташи Четвериковой)

Владимир Бобровников: Я считаю, что здесь важнее общность религиозной политики власти по отношению к разным конфессиям Советского Союза. Эта политика сильно менялась в зависимости от периода. Изображать всю советскую эпоху как эпоху гонений неверно. Периоды сотрудничества случались чаще и занимали больше времени. Эпоха открытой войны Советской власти против ислама была недолгой. Она начинается с первой пятилетки 1928–1932 годов и продолжается где-то до начала в 1941 году Отечественной войны, если не до чуть более раннего времени. Позже, в «оттепель» при Хрущеве, начался новый виток гонений, но он уже не идет в сравнение с 30-ми годами. Уже в годы войны начинаются послабления в отношении всех конфессий. Власть признает религию и ставит ее под государственный контроль. В 1944 году были созданы Совет по делам русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов, которые в чем-то имитировали структуру Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, существовавшего во времена Империи. В 1965 году они сливаются в один Совет по делам религий. Уже послевоенная эпоха — это эпоха в какой-то степени сотрудничества. Хотя очень сложного сотрудничества. В отношении ислама разница была вот в чем. Если РПЦ вернула себе после революции структуру, характерную

для православия патриархата, то институт муфтиятов, Духовных управлений мусульман, по существу не является исламским. В 1948 году в Уфе проходил съезд. И была идея избрать великого муфтия Советского Союза. Но от нее отказались. Посчитали, что не нужна излишняя концентрация власти в руках клерикалов. Это чистое изобретение Империи времен Екатерины II, возрожденное к жизни Сталиным в 1943–1944 годах. Патриархия — это структура, которую уничтожила Империя и восстановила советская власть. В исламе же, как я говорил, духовенства в принципе нет, духовные лица просто выбираются мечетными общинами из числа знатоков шариата. Как ученые-улемы они могут быть связаны с государством, но только с мусульманской властью, каковой ни Российская империя, ни тем паче СССР не являлись.

Кроме того, в отношениях государства с исламом в позднее советское время очень сложно провести грань, что являлось официальным, а что нелегальным. Например, святые места никто в СССР официально не разрешал. Но по архивным источникам получается, что Духовные управления мусульман в Ташкенте и Махачкале получали часть дохода с приношений в эти святые места. И, конечно, они не уподоблялись буржую из советской притчи и не рубили сук, на котором сидели, хотя в своих публичных выступлениях всячески осуждали культ святых в исламе. Далее. На уровне республик и районов власть была против исполнения религиозных обрядов. Однако сами советские чиновники и партийцы исполняли многие религиозные обряды. Например, повсеместно было и остается распространенным обрезание. И все партработники проводили обрезание мальчикам. В середине XX века даже были выработаны советские ритуалы, свадьбы, например. В этом отношении ислам оказался более консервативным, чем православие. Вот вам один, но важный пример. Православные стали кремировать своих покойных, но мусульмане этот советский обычай до сих пор с негодованием отвергают.

Дмитрий Юрьевич Арапов (МГУ): То, что вы показывали. Существовал ли аналогичный антиисламский плакат у турок? Было ли такое?

Владимир Бобровников: Существовал. Был даже определенный обмен опытом между республиканской Турцией и ранней Советской Россией. Отношение Мустафы Кемаля к исламу с какого-то момента очень напоминает советскую пропаганду более позднего периода, где-то с рубежа 20-х и 30-х годов. В запасниках Музея искусства народов Востока в Москве есть интересная коллекция ранних турецких плакатов.

Борис Долгин: А когда в Турции это смягчается?

Владимир Бобровников: В 50-е годы. Но здесь я бы не стал искать общую хронологию.

Роман (аспирант МГУ): С чем был связан переход с арабского шрифта на латинский алфавит и на кириллицу?

Владимир Бобровников: Переход на латинский алфавит был связан не только с борьбой против религии (хотя и это было важной побудительной причиной реформы), но и с идеями перманентной революции, которые защищал Троцкий. Подразумевалось, что в случае мировой революции, чтобы нормально координировать военные действия, необходимо будет использовать один шрифт. Латинский в этом отношении проще и, главное, распространеннее кириллицы. Сначала планировалось создать на латинской основе алфавиты для языков, которые прежде использовали арабский или другой язык,

часто религиозный. А после перевести и русский на латинскую основу. Что касается кириллицы, то переход на нее был связан с идеей победы социализма в отдельно взятой стране. При Сталине она была возведена в ранг неоспоримой догмы.

Борис Долгин: Это происходит на 10 лет позже.

Владимир Бобровников: Это происходит вокруг Конституции 1937-го года и связано с началом советского русификаторского проекта.

Фонд Розы Люксембург: Какого было отношение Луначарского к антирелигиозной пропаганде и карикатурам?

Владимир Бобровников: Он несколько выделялся среди ранней советской элиты симпатиями к религиозно-философским построениям интеллигенции. У него не было столь резкого отношения к религии как, скажем, у Ярославского. Но он ничего не сделал в защиту религиозных чувств верующей части интеллигенции. Конечно, Луначарского не стоит относить к числу активных безбожников. Однако, если судить по его совершенно фантастическим декадентским пьесам, он держался общего в РКП(б) мнения, что религия есть дурман для народа, распространяемый господствующими классами.

Борис Долгин: Была ли у мусульманских и антимусульманских плакатов какая-то специфика в связи с запретом изображения человека в исламе?

Владимир Бобровников: Мне кажется, в изображении человека на плакатах, обращенных к мусульманам Советской России, не было богоборческого элемента. В первое десятилетие после установления Советской власти тут было сильно влияние дореволюционных традиций, от каллиграфического искусства шамаилей до периодики Серебряного века, включавшей знаменитый бакинский журнал «Молла Насреддин», о котором я сегодня рассказывал. По этой причине в плакатах немало места уделено писаному слову и виньеткам. Но не нужно допускать анахронизма и повторять оправданий тех сайтов Интернета, которые сегодня, например, перепечатают датские карикатуры на пророка и объясняют связанный с ними скандал известным запретом на изображения человека в исламе. Такой запрет, действительно, существует, но он не всегда и не всеми выполнялся. Существовали его разные толкования мусульманскими улемами. Что же касается советского мусульманского Востока, то например, в Баку существовала традиция журнальной карикатуры с очень реалистическими и современными изображениями людей. Я говорю про того же «Моллу Насреддина», вышедшего в 1906–1914 годах (и еще в 1917 году в Тифлисе). Если мы посмотрим на татарские шамаили, то среди них можно найти немало реалистичных картинок, правда, без людей, но очень европейского типа, хотя действие происходит, например, в Эдирне или в самой Медине на Хиджазской железной дороге в 1908 году. Источник их — это английские или французские журналы, перепечатававшиеся в «Ниве» и других популярных российских изданиях, а затем копировавшиеся благочестивыми мусульманскими каллиграфами, забывавшими про гяурское происхождение этих изображений. Так существовал обмен. В период, которому посвящена моя лекция, ислам был гораздо более открыт, чем сегодня представляется. Хотя и не надо преувеличивать значение джадидов в дореволюционное время. Это была очень маленькая группа людей, но в Поволжье и Восточном Закавказье была тогда традиция изображения.

Вопрос из зала: Какого размера были шамаили? И как переводится это слово?

Владимир Бобровников: Это более камерное искусство. Это картинка или изображение с использованием арабской каллиграфии в размер журнала, реже в маленький плакат. Поэтому их часто вешали на стену. Шамаиль — арабское слово, множественное число от *шамил*, означающего «достоинство», «свойство». Первоначально его использовали для названия жанра благочестивых словесных портретов пророка Мухаммеда в значении «портрет». Как жанр изобразительного искусства шамаиль получил широкое распространение в Среднем Поволжье конца XIX — начала XX века. У него были тесные связи (если не корни) в османской Турции.

Борис Долгин: Существовали ли ответные карикатуры против безбожников? Или какие-то другие формы исламской контрпропаганды?

Владимир Бобровников: Спасибо за очень интересный и важный вопрос. Эта тема еще абсолютно не изучена. Если судить по архивным материалам с Восточного Кавказа, которые я лучше знаю, ответы мусульман на антирелигиозную пропаганду безбожников были. Но они уже рисовали гяуров-безбожников не в картинках, а в стихах на арабском и местных восточных языках. В лекции я приводил отдельные выдержки из сатирических стихов Наджм ад-дина Гоцинского против дагестанского джадида Али Каяева. Но были и целые политические памфлеты на арабском или с вкраплением арабских формул. Правда, здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой аутентичности таких ответов. Нередко они дошли до нас в составе оперативных сводок НКВД. Это насквозь фальшивые, сфабрикованные документы, по которым были посажены, расстреляны и заживо сгноены в лагерях очень много людей. Верить на слово им нет никакой возможности. Однако, какие-то основания говорить о том, что отдельные такие стихи против безбожников существовали в действительности, у нас есть. Этот аргумент — традиционный исламский язык или дискурс, который можно разглядеть даже в их корявых русских переводах. Я сейчас вместе с дагестанским историком Имануддином Сулаевым работаю над изданием одного такого источника 1933 года со стихами о безбожниках и антимерси-Даджале.

Ольга Брусина (Институт этнологии и антропологии РАН): Плакаты создают впечатление, что большинство их было изготовлено в центре. И для изготовителя не было особой разницы между исламом, иудаизмом и христианством. Были ли более специфические карикатуры на ислам, например, связанные с декретом об отмене калыма, двоеженства и с вредными пережитками?

Владимир Бобровников: Были. Но уже не как плакаты, а в форме пропагандистских брошюр. Например, мне известны издания Дагестанского отделения СБВ против Уразы. Известный гонитель ислама и академического исламоведения Люциан Климович издал брошюру «Долой паранджу!». Правда, вышла она большим тиражом сначала в Москве в 1940 году, а затем была перепечатана на местах, в республиках Средней Азии. Еще одна форма советской антирелигиозной пропаганды, которую нельзя обойти молчанием, — это кино. Антирелигиозное советское кино было очень локализовано. Например, существовала в 20-е годы студия Бухкино, бухарское кино. Недавно на одной конференции по исламу на советском Востоке в Германии я смотрел их фильм 1926-го года под названием «Минарет смерти». Фильм рассказывает о проклятом

дореволюционном прошлом, как ханы, муллы насилуют и унижают бедняков, женщин. Заканчивается, правда, все хорошо — любовь побеждает, хана сбрасывают с минарета, с которого прежде сбрасывали тех, кто пытался против него бунтовать.

Отмечу также, что в начале 20-х годов плакаты для Кавказа и Средней Азии издавались обычно в Москве. Но уже в конце 20-х и особенно в 30-е годы Баку и Ташкент были крупными центрами пропаганды со своими издательствами и типографиями.

Борис Долгин: Была ли какая-то специфика новой советской обрядности в мусульманских регионах Союза? И какую роль здесь сыграли плакаты?

Владимир Бобровников: К сожалению, я не занимался изучением пропаганды новых советских обрядов. В какой-то степени мне известны плакаты, пропагандировавшие гигиену и здоровый советский образ жизни против старого нездорового. Правда, они более связаны с критикой православия. Еще Троцкий опубликовал в 1924 году в «Правде» статью про «Водку, церковь и кинематограф», пропагандируя кино как могучее средство борьбы за здоровый советский образ жизни. Кроме того, но опять же в русской православной деревне, объектом критики были повитухи и бабки, промышлявшие знахарством и колдовством. Они высмеивались на карикатурах «Безбожника у станка». Вопрос, конечно, насколько такая пропаганда была эффективной. Я не буду ничего критиковать. Просто расскажу вам одну короткую историю, которую знаю от моего тестя. Дело происходило в начале 30-х годов одном из колхозов под Пензой, откуда он был родом. Однажды вечером председатель колхоза вместе с животноводом Щеновым возвращались домой. Вдруг, откуда ни возьмись, появилась и погналась за ними большая свинья. Отчаявшись избавиться от нее, председатель сказал животноводу: «Знаешь, это же бабка Аксинья. Мы же коммунисты и в нее не верим. Пойдем ее убьем». Он подобрал лежавшую рядом оглоблю и огрел ею свинью. Та взвизгнула и исчезла. Наутро оказалось, что они убили импортную свиноматку, специально выписанную в колхоз...

В Азербайджане объектом критики старой религиозной обрядности были самобичевания шиитов на Ашуру, более известную у нас под именем «Шахсей-Вахсей». Процессии бичующихся здесь были законодательно запрещены в 1931 году, но ежегодно продолжались вопреки запретам и продолжают доныне. Был даже снят специальный антирелигиозный фильм «Шахсей-Вахсей». Его главной целью было показать, что это дикий средневековый пережиток, не имеющий ничего общего с исламом. Именно так, советские цензоры уже в конце 20-х, а особенно в 40–60-е годы очень точно определили, что входит и что не входит в ислам.

Следует также отметить, что уже в послевоенные десятилетия в центре и регионах выходило много брошюр и даже специальных этнографических исследований о новой уже советской обрядности. Например, в 1988 году в Москве дагестанские и московские этнографы выпустили сборник о горцах, переселившихся на равнину: «Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев». Эта литература еще ждет своего исследователя. Я согласен, тема очень интересная, сейчас ею начинают заниматься.

Борис Долгин: Какие-то сатирические звуковые записи, пластинки?

Владимир Бобровников: Да, были. Они есть в государственных архивах Москвы и бывших союзных республик. Это отдельная большая тема. Было что-то типа частушек. Часть этих текстов писали и на плакатах.

Мария (РГГУ): Антирелигиозная пропаганда на окраинах сочеталась с усиленной поддержкой этнической экзотики. В этом отношении национальным окраинам предоставлялось даже больше прав, чем русским. Не вызывало ли это диссонанса? Как это совмещалось? И каковы были критерии отличия местных обычаев от религиозных?

Владимир Бобровников (фото Наташи Четвериковой)

Владимир Бобровников: Эта тема выходит на тему конструирования Востока учеными и политиками колониального и советского времени. Американский ученый палестинского происхождения Эдвард Саид предложил называть такое явление ориентализмом. Не так давно японист из нашего Института Евгений Штейнер, которому Саид, наверное, наступил в чем-то на любимую мозоль, его взгляды резко [критиковал](#) здесь, в «Билингве». Он говорил, что вся его теория — полная ерунда и надувательство, хотя и не привел тому основательных доказательств и даже не изложил толком его доводы. Согласен, у Саида, как и у его предшественников, таких, как Мишель Фуко (которого Штейнер почему-то

даже не назвал), немало ошибок, когда они берутся рассуждать об истории. Ведь ни тот, ни другой историками не были. Однако рациональное зерно в его подходе, на мой взгляд, все же есть. Примеры ориентализма в науке и политике можно видеть как на Ближнем Востоке и в Северной Африке, например, в берберской политике французов в Марокко XX в., где они сделали ставку на поддержку обычаев берберов в противовес арабам и исламу, стремясь утвердиться с их помощью в стране. Примеры его можно видеть и в Советской России и, более того, в литературе времен холодной войны об исламе в СССР, в частности, в советологии. Я считаю, что Саид прав, когда предлагает перестать искать объективную истину в гуманитарных науках, говорит про то, что не нужно мешать действительность и ее репрезентации в науке и политике, искать под воображенным европейцами какой-то настоящий Восток или противостоящий ему настоящий Запад. И когда я слышу про то, как критика Саида у Штейнера основывается на рассуждениях про какую-то выдуманную позитивистами западную цивилизацию, то есть переходит на колониальный язык позапрошлого века и теряет под собой основу, мне это тоже кажется бессмыслицей.

Но вернусь к вопросу. Я считаю, что особого диссонанса здесь не происходило, потому что поддержка этнической экзотики шла в позднее советское время, когда антирелигиозная пропаганда вступила на новый этап, выходящий за пределы моей лекции. В это время ученые (по просьбе политиков) начали делить обычаи на полезные и вредные. К числу последних относят религию, а в число первых — этнические традиции. Первые продолжали оставаться объектом нападок атеистов, вторые стали изучаться этнографами. Причем последние не только изучали, но и конструировали, например, на Северном Кавказе создали советы старейшин со ссылкой на, в общем-то, изобретенную, но реально прежде не существовавшую геронтократическую традицию. В 30-е годы все без исключения местные обряды и обычаи, имевшие хоть какую-то связь с религией, однозначно запрещались. Служителей культа обязывали давать подписку больше не вредить и не проводить никаких обрядов (я видел такие расписки мулл и шариатских судей-кади на Северном Кавказе), а инвентарь либо уничтожался, либо сдавался в музей. Так, в частности, в музей попали многие шаманские бубны и костюмы из Сибири. К тому же, этническое есть во многом плод советских реформ. Ну не было раньше такого народа, как узбеки, как бы это обидно ни звучало. А были оседлые *сарты*, которых разделили на несколько народов. Интересующихся этой проблемой я отсылаю к недавней книге Сергея Абашина о национализмах в Средней Азии. И на Кавказе некоторые народы, например, горские евреи на протяжении XX века не раз меняли свою национальную принадлежность, переходя то в разряд татов (когда при позднем Сталине шли преследования космополитов), то сливаясь с евреями. Все это нужно иметь в виду.

Борис Долгин: Вообще, в этой этнической экзотике пытались дистиллировать как бы народную часть, максимально убирая религиозные аспекты. Это было и по отношению к русским, к евреям и т.д.

Мария: Но по каким критериям разделяли эти разные экзотики?

Владимир Бобровников: Это выходит за пределы моей компетенции. Здесь лучше просто посмотреть на плакаты. Это символика. Мулл изображают так, чтобы зритель сразу понял, что это мулла. И узбеков изображают также. Стоит посмотреть это в динамике и не смешивать материалы из разных десятилетий. Все было дробно и сложно.

Борис Долгин: Насколько авторы плакатов использовали в своих рисунках исламскую символику, вообще определенные знания об исламе? Я говорю о плакатах, которые шли из неисламской среды. Были ли у художников какие-то консультанты, которые помогали им перейти на язык, понятный мусульманам, насколько это могло работать на уровне символического ряда?

Владимир Бобровников: Со специалистами по исламу особо не консультировались. Были, конечно, цензура и социальный заказ от партии. Но, на мой взгляд, созданные советской пропагандой стереотипы ислама совсем не связаны с действительной жизнью. Этого и не нужно было делать. В позднее советское время антирелигиозная пропаганда пыталась провести грань между «настоящим» и «ненастоящим» исламом. Одна из больших тем — это тема пережитков. Говорили, что люди настолько невежественны, что принимают за ислам то, что им не является. Это было то же самое, как когда в кампании борьбы с мощами приводили точные цитаты из Евангелия. Были даже плакаты с этими цитатами. Точно так же с конца 30-х гг. была традиция отделять чистый ислам от народного. Однако при этом объектом критики и предметом изображений на плакатах был как раз «ненастоящий» народный и суеверный ислам. Настоящего не изображали. Религиозным пережиткам предпочитали противопоставлять «истинно научное коммунистическое мировоззрение», опирающееся на достижения современной науки и техники. Такова была официальная установка 50-х — 70-х годов. Мне кажется, что она была очень влиятельной. Наследие ее можно найти в постсоветской ваххабитской критике ислама, которая говорит, что ислам — это только письменные нормативные тексты времен пророка Мухаммеда. Коран и сунна, и ничего более. Все более позднее и многообразное, тот же суфизм или культы святых, с исламом не имеют ничего общего.

Дмитрий: Оказала ли эта пропаганда в мусульманских окраинах то же влияние, что в других частях России? Стала ли основная часть населения считать себя атеистами? Или ислам остался в душах людей?

Владимир Бобровников: Это очень сложный вопрос. Нужно сначала выработать критерии верующего мусульманина, а потом применять их на практике и считать число мусульман. А современной статистике Духовных управлений я бы не стал особенно доверять — и особенно рассуждениям про «этнических мусульман», согласно которым, скажем всех дагестанцев (за исключением местных русских и евреев) автоматически записывают в мусульман. В 20-е годы в Туркестане и на Кавказе массы были мало восприимчивы к антирелигиозной пропаганде. Затем люди были очень закрыты в годы репрессий и после этого долгое время боялись сообщать при опросах то, что они реально думают. Если судить по моим наблюдениям на Северном Кавказе, атеисты были и остались в меньшинстве. Но и понимание ислама сильно изменилось. Он ушел из правовой сферы, ограничившись обрядностью. При этом есть люди, откровенно считающие себя мусульманами, но почти не соблюдающие или постоянно нарушающие основные нормы и запреты ислама, например, в отношении ежедневной пятикратной молитвы, поста, употребления спиртных напитков. Поэтому мне кажется, однозначного ответа на ваш вопрос дать нельзя. Нужно использовать более дробную классификацию переходных типов между практикующими, непрактикующими верующими и неверующими.

Борис Долгин: Вы имеете в виду статистику конца 80-х годов?

Владимир Бобровников: Мне кажется, что критерии этой статистики очень плавают. Понятие «этнических мусульман» очень условно и сопоставимо, скажем, с «этническими шаманистами» или «любителями русской водки». Последние, конечно, абсурдны, но я привел их, чтобы показать условность, если не абсурдность обыгрываемых в науке и политике эссенциалистски понимаемых абсолютных этно-конфессиональных величин. Если брать 90-е годы, то на Северном Кавказе, в Волго-Уральском регионе и в Средней Азии было очень сильное увлечение исламом. Это так называемое исламское возрождение. Сейчас этот период уже кончается. Однако точной статистики так и не появилось. Так вот, по опубликованным количественным показателям, исламская революция оказывается намного эффективнее. Но на деле обе они любили играть в потемкинские деревни. Тысячи мечетей и особенно здания медресе и исламских университетов, построенные в том же Дагестане, нередко пустуют. Это все дутые величины. Наверное, судить здесь следует по исполнению верующими религиозных практик. Этот критерий внушает мне наибольшее доверие.

Борис Долгин: В последнем вопросе о пропаганде и атеизации был еще один аспект. Сопоставление степени секуляризации именно мусульманских регионов по сравнению с остальными. Я продолжу с просьбой сопоставить и степень последующей ретрадиционализации «мусульманских» регионов и остальных.

Владимир Бобровников: Мне кажется, что степень секуляризации была повсеместно очень большой. Когда мы говорим о возвращении ислама, это уже никакое не возвращение, а новые формы религии. Как известно, нельзя войти в одну реку дважды. Точно так же невозможно восстановить сегодня Россию времен империи или вернуться к еще более давним временам. Очень яркий пример — это письменность. Алфавит. Как я уже говорил, фетвы 1940–1980-х годов выходили на Северном Кавказе уже на русском языке. Сейчас языком общения стали русский и те литературные национальные языки, созданные в советское время. Надо сказать, что эта литературная советская традиция совершенно ужасающа с литературной точки зрения. Когда я учил один из дагестанских языков, было очень сложно найти тексты, которые можно было дочитать до конца. Большинство из так называемой художественной литературы написано абсолютно нехудожественно и никем уже не читается. Сейчас люди читают газеты и смотрят телевизор или заходят в Интернет.

Борис Долгин: Спасибо. Какое-то резюме?

Владимир Бобровников: Спасибо за приглашение и за вопросы. Мне кажется, что тема визуальной пропаганды важна для историков и востоковедов. Мы слишком привыкли работать с текстами, забывая, что есть еще создавшие их люди. За это востоковедов в общем-то правильно критиковал Саид. Этнографы работают с живыми людьми, но рисунками тоже обычно пренебрегают. А видеоряд — это особый источник. Он хорошо показывает важность учета жанра для исследования. Возьму один пример из античности. Не нужно искать в комедиях писавшего во II веке до нашей эры Плавта рассуждения о пользе или вреде рабовладения. Если Плавт выводит положительного раба, то это еще не доказывает, что он принимает его сторону. В его комедиях, очень похожих на абсолютно фантастическую и не связанную прямо с действительностью комедию масок, положительными оказываются, наоборот, отрицательные продувные бестии слуги-рабы вроде Псевдола. А наши антиковеды часто этого не замечают и начинают

подсчитывать, сколько у Плавта положительных и сколько отрицательных рабов. Мне такая статистика кажется смехотворной. Это то же самое, что искать параллели между историческим Тимуром и его маской в «трех апельсинах» Гоцци или вслед за академиком Рыбаковым уподоблять чудовище хоботастое на Калиновом мосту из русского фольклора мамонту. Разбирая карикатуры об исламе, мало разоблачить скрывающуюся под ними ложь или правду. Гораздо важнее понять язык и значение, иначе говоря, дискурс пропаганды. И никоим образом нельзя выбрасывать плакаты, как старый ненужный хлам. Ведь это кусок жизни, большой кусок жизни советских мусульман. И если мы его выбросим, картина прошлого обеднеет. Тесная и сложная связь власти и мусульманского общества, пропаганды и ее восприятия и отторжения показывает реальную жизнь. И мне это любопытно как историку. Еще раз спасибо за внимание